

Л20 $\frac{\Gamma-3}{4202}$

Л. Н. ТОЛСТОЙ
В РУССКОЙ
КРИТИКЕ

Сборник статей

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Вступительная статья
и примечания
С. П. БЫЧКОВА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1952

чимо больной ящик Федор остается как будто вовсе недоступным для этого чувства. В этом сказывается разность *не исторического, а социального* положения. В новой Европе высшие классы всегда были проникнуты гораздо большим индивидуализмом, нежели низшие. А чем глубже проникает в человеческую душу индивидуализм, тем прочнее укрепляется в ней страх смерти.

Толстой — один из самых гениальных и самых крайних представителей индивидуализма нового времени. Индивидуализм наложил глубочайшую печать как на его художественные произведения, так и, в особенности, на его публицистические взгляды. Неудивительно, что он отразился и на отношении его к природе. Как ни любил Толстой природу, но он не мог бы найти ничего убедительного в доводах Фейербаха против мысли о личном бессмертии. Эта мысль являлась для него психологической необходимостью. А если вместе с жадой бессмертия в его душе жило, можно сказать, языческое сознание своего единства с природой, то это сознание вело у него лишь к тому, что он не мог, подобно древним христианам, утешаться мыслью о *загробном* бессмертии. Нет, *такое* бессмертие было для него слишком мало заманчивым. Ему нужно было то бессмертие, при котором вечно продолжала бы существовать противоположность между его личным «я» и прекрасным «не-я» природы. Ему нужно было то бессмертие, при котором он не переставал бы чувствовать вокруг себя жаркий воздух, «клубясь, уходящий в бесконечную даль» и «делающий глубокую голубизну бесконечного неба». Ему нужно было то бессмертие, при котором продолжали бы «жужжать и виться мириады насекомых, ползать коровки, везде кругом заливать птицы». Короче, для него не могло быть ничего утешительного в христианской мысли о бессмертии души: *ему нужно было бессмертие тела*. И едва ли не величайшей трагедией его жизни явилась та очевидная истина, что такое бессмертие невозможно.

Это, конечно, не похвала. И это, разумеется, не упрек. Это простое указание на тот факт, который необходимо должен будет принять во внимание всякий тот, кто захочет понять психологию великого писателя русской земли.

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

«Отсюда и досюда»¹⁵

I

В № 311 «Киевской мысли» г. Номинкулус возвестил, что вся Россия разделилась на два лагеря: «Одни просто любят Толстого, другие — отсюда и досюда»¹⁶. У г. Номинкулуса 'а вышло при этом, что люди более или менее передового образа мысли просто любят Толстого, между тем как охранители и реакционеры любят его лишь «отсюда и досюда». Я не принадлежу ни к реакционерам, ни к охранителям. Этому, надеюсь, поверит г. Номинкулус. И тем не менее, я тоже не могу «просто любить Толстого»; я тоже люблю его только «отсюда и досюда». Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем. Больше того: я полагаю, что лишь при полном непонимании взглядов Толстого можно утверждать, как это делает г. Володин в той же «Киевской мысли» (№ 310): «С Толстым радостно. Без Толстого страшно жить»¹⁷. По-моему, как раз наоборот: «жить с Толстым» так же страшно, как «жить», например, с Шопенгауэром. А если этого не замечает, в «простоте» любви своей к Толстому, нынешняя наша «интеллигенция», то мне кажется, что это — очень плохой знак. Прежде, скажем, в эпоху покойного Н. Михайловского, Толстого любили передовые русские люди именно только «отсюда и досюда». И это было гораздо лучше.

Я знаю, с этим согласятся теперь лишь очень немногие. Но что же делать? Если бы против меня высказались даже все передовые «интеллигенты» нынешней России, то я все-таки не мог бы думать иначе. Пусть меня объявят еретиком. Это не беда. Еще Лессинг вполне справедливо заметил: «Вещь, называемая еретиком, имеет свою очень хорошую сторону. Еретик, это — человек, который, *по крайней мере, хочет* смотреть своими собственными глазами». Конечно, еще не достаточно быть еретиком, чтобы ясно видеть. Тот же Лессинг не менее справедливо прибавляет: «Спрашивается только, хороши ли те глаза, которыми хочет смотреть еретик». С еретиком можно, а ино-

гда даже должно, спорить. Это так. Но все-таки не мешает иногда выслушать и еретика. Это тоже не подлежит сомнению.

Вот я и предлагаю поспорить со мною, например, г. Володину. Он говорит: «с Толстым радостно». А я возражаю: «нет, с Толстым страшно». Кто же прав? Об этом пусть судит читатель, которому я постараюсь разъяснить свой взгляд.

Само собою разумеется, что, говоря: «с Толстым страшно», я имею в виду Толстого-мыслителя, а не Толстого-художника. С Толстым-художником тоже может быть страшно, но только не мне, и, вообще, не людям моего образа мыслей: нам с ним, напротив, очень «радостно». А вот с Толстым-мыслителем нам, действительно, страшно. То есть, чтобы выразиться точнее, *было бы страшно*, если бы мы могли «жить» с Толстым-мыслителем. К счастью, об этом не может быть и речи: наша точка зрения прямо противоположна точке зрения Толстого.

Толстой говорит о себе: «Я пришел ведь к вере потому, что помимо веры я ничего, наверное ничего не нашел, кроме погибели» *.

Тут, как видите, заключается весьма серьезный довод в мою пользу. Человек, который проникся бы настроением Толстого, сильно рисковал бы не найти перед собой ничего, кроме погибели. А это, в самом деле, страшно. Правда, Толстой спасся от погибели верой. А в каком положении окажется человек, который, проникшись настроением Толстого, останется неудовлетворенным его верой? У такого человека будет только один выход: погибель, в которой, как это всем известно, нет ничего «радостного».

Каков был тот путь, который привел Толстого к его вере? По словам самого Толстого, он пришел к вере путем искания бога. И это искание бога было, — говорит он, — «не рассуждение, но чувство, потому что это искание вытекало не из моего хода мыслей, — оно было даже прямо противоположно им, — но оно вытекало из сердца» **.

* Л. Н. Толстой, «Исповедь», изд. Парамонова, стр. 55.

** Там же, стр. 46.

Однако Толстой выражается неточно. На самом деле его искание бога вовсе не исключало рассуждения. Это доказывается, между прочим, следующими строчками:

«Помню, это было раннею весной, я один был в лесу, прислушиваясь к звукам леса. Я прислушивался и думал все об одном, как я постоянно думал все об одном и том же эти последние три года. Я опять искал бога.

«Хорошо, нет никакого бога, — говорил я себе, — нет такого, который бы был не мое представление, но действительность, такая же, как вся моя жизнь, — нет такого. И ничто, никакие чудеса не могут доказать такого, потому что чудеса будут мое представление, да еще неразумное.

Но понятие мое о боге, о том, которого я ищу? — спросил я себя. — Понятие-то это откуда взялось? И опять при этой мысли во мне поднялись радостные волны жизни. Все вокруг меня ожило, получило смысл. Но радость моя продолжалась недолго. Ум продолжал свою работу. «Понятие бога — не бог, — сказал я себе. — Понятие есть то, что происходит во мне, понятие о боге есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить в себе. Это не то, чего я ищу. Я ищу того, без чего бы не могла быть жизнь». И опять все стало умирать вокруг меня и во мне, и мне опять захотелось убить себя» *.

Это целый диспут с самим собой. Ну, а в диспуте нельзя обойтись без рассуждения. Не обошелся без него Толстой и там, где его мучительный спор с самим собою склонился к отрадному для него выводу:

«Что же такое эти оживления и умирания? Ведь я не живу, когда теряю веру в существование бога, ведь я бы уж давно убил себя, если бы у меня не было смутной надежды найти его. Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Так чего же я ищу еще? — вскрикнул во мне голос. Так вот он. Он — то, без чего нельзя жить. Знать бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь» **.

Но, конечно, не одно рассуждение привело Толстого к его вере. Его логические операции, бесспорно, совершались на основе сильного и неотвязного чувства, которое он

* Л. Н. Толстой, «Исповедь», изд. Парамонова, стр. 48.

** Там же.

сам характеризует следующими словами: «Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь»*.

Только это чувство и объясняет нам, каким образом Толстой мог не заметить слабой стороны своего рассуждения. В самом деле. Из того, что я живу только тогда, когда верю в существование бога, еще не следует, что бог существует: из этого следует только то, что я сам не могу существовать без веры в бога. А это обстоятельство может быть объяснено воспитанием, привычками и т. п. Толстой сам говорит:

«И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мне, была не новая, а самая старая,— та самая, которая влекла меня на первых порах моей жизни. Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому и юношескому. Я вернулся к вере в ту волю, которая произвела меня и чего-то хочет от меня; я вернулся к тому, что главная и единственная цель моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т. е. жить согласнее с этой волей; я вернулся к тому, что выражение этой воли я могу найти в том, что в скрывающейся от меня дали выработало для руководства своего все человечество, т. е. я вернулся к вере в бога, в нравственное совершенствование и в предание, передававшее смысл жизни. Только та и была разница, что тогда все это было принято бессознательно, теперь же я знал, что без этого я не могу жить»**.

Толстой напрасно считает странным то обстоятельство, что возвратившаяся к нему сила жизни «была не новая, а самая старая» детская вера. Странного тут ничего нет. Люди нередко возвращаются к своим детским верованиям; для этого необходимо только одно условие: сильный след, оставленный в душе такими верованиями. Столь же напрасно Толстой говорит о себе:

«Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедывали передо мной большие; но доверие это было очень шатко»***.

* Л. Н. Толстой, «Исповедь», изд. Парамонова, стр. 46.

** Там же, стр. 49.

*** Там же, стр. 3.

Нет, память изменила Толстому. По всему видно, что детские верования чрезвычайно глубоко проникли в его душу*, и если он, по своей впечатлительности, легко поддавался потом влиянию неверующих товарищей, то влияние это осталось крайне поверхностным**. Впрочем, в другом месте своей «Исповеди» Толстой сам говорит, что христианские истины всегда были близки ему***. Это несомненно по крайней мере в том ограниченном смысле, что Толстому всегда была близка основа не только христианского, но и всякого вообще религиозного мирозерцания: анимистический взгляд на отношение «конечного» к «бесконечному». Вот чрезвычайно убедительный пример. Мы уже знаем, что, начав искать бога, Толстой переживал тяжелые страдания в те минуты, когда его рассудок отвергал, одно за другим, известные ему доказательства бытия божия. Тогда он чувствовал, что жизнь его «останавливается», и тогда снова и снова принимался доказывать себе, что бог существует. Как же доказывать? А вот как:

«Но опять и опять с разных других сторон я приходил к тому же признанию того, что не мог же я без всякого повода, причины и смысла явиться на свет, что не могу я быть таким выпавшим из гнезда птенцом, каким я себя чувствовал. Пускай я, выпавший птенец, лежу на спине, пишу в высокой траве, но я пишу оттого, что знаю, что меня в себе выносила мать, высиживала, грела, кормила, любила. Где она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросил? Не могу я скрыть от себя, что, любя, родил меня кто-то. Кто же этот кто-то? — Опять бог»****.

Так рассуждают все религиозные люди, совершенно независимо от того, верят ли они в одного бога или же в

* «Воспитанный в патриархально-аристократической и по-своему религиозной среде,— рассказывает биограф Толстого г. П. Бирюков,— Лев Николаевич в детстве своем был религиозен» («Л. Н. Толстой. Биография». Составил П. Бирюков. Том I, стр. 110).

** Г-ну П. Бирюкову это представляется так: «Но, конечно, эта рационалистическая критика не могла тронуть основ души его. Эти основы выдержали страшные житейские бури и вывели его на истинный путь» (П. Бирюков, «Л. Н. Толстой, Биография». Том I, стр. 111).

*** «Исповедь», стр. 41.

**** Там же, стр. 47.

нескольких. Главная, отличительная черта подобного рассуждения состоит в его полнейшей логической несостоятельности: оно предполагает доказанным именно то, что требуется доказать, — существование бога. Раз признав существование бога и раз представив себе бога по своему собственному образу и подобию, человек затем уже без всякого труда объясняет все явления природы и общественной жизни. Еще Спиноза очень хорошо сказал: «Люди обыкновенно предполагают, что все вещи в природе, подобно им самим, действуют для какой-нибудь цели, и даже за верное утверждают, что и сам бог направляет все к известной определенной цели (ибо они говорят, что бог сотворил все для человека, а человека сотворил для того, чтобы он почитал его)»*. Это как раз то, что предполагается у Толстого: телеология (точка зрения целесообразности). Бесполезно было бы распространяться о том, что объяснения, до которых доходят люди, стоящие на телеологической точке зрения, на самом деле ровно ничего не объясняют и, как карточные домики, разлетаются от первого прикосновения серьезной критики. Но необходимо отметить, что Толстой не мог или не хотел понять этого. Жизнь представлялась ему возможной только тогда, когда он становился на телеологическую точку зрения: «И как только я сознавал, — говорит он, — что есть сила, во власти которой я нахожусь, так тотчас же я чувствовал возможность жизни»**. Понятно почему: смысл жизни определялся в этом случае волею того существа, во власть которого отдавал себя Толстой. Оставалось слушаться и не рассуждать. Толстой так и говорит:

«Жизнь мира совершается по чьей-то воле — кто-то эту жизнь всего мира и нашими жизнями делает свое какое-то дело. Чтобы иметь надежду понять смысл этой воли, надо прежде всего исполнить ее — делать то, чего от нас хотят. А если я не буду делать того, чего хотят от меня, то и не пойму никогда и того, чего хотят от меня, а уж тем менее — чего хотят от всех нас и от всего мира»***.

* Спиноза, «Этика», стр. 44.

** «Исповедь», стр. 47.

*** Там же, стр. 45.

II

Чего же хочет от всех нас и от всего мира «чья-то воля»? Толстой отвечает: «Воля... посланного есть разумная (добрая) жизнь всего мира. Стало быть, дело жизни есть внесение истины в мир»*. Иначе сказать: «чья-то воля» требует от нас служения добру и истине. Еще иначе: «чья-то воля» является для нас единственным источником истины и добра. Толстой думает, что если бы не было «чьей-то воли», направляющей людей к добру и истине, то они погрязли бы в зле и в заблуждении. Это то, что у Фейербаха называется опустошением человеческой души. Все, что есть в ней хорошего, отнимается от нее и записывается на счет «чьей-то воли», создавшей человека, равно как и весь остальной мир. Толстой совершенно опустошает человеческую душу, говоря, что «все доброе, что есть в человеке, — только то, что в нем божеского». Вот я и спрашиваю гг. Nottunculus'a, Володина и всех тех, которые разделяют их взгляд на Толстого, неужели не «страшно жить» с человеком, предающимся подобному опустошению человеческой души? И я буду утверждать, что очень страшно, до тех пор, пока мне не докажут противного.

Впрочем, я неверно выразился, сказав, что Толстой *предавался* опустошению человеческой души. Чтобы выразиться точнее, надо сказать так: Толстой предпочитал человеческую душу пустою и старался наполнить ее добрым содержанием. Не находя источника в ней самой, он апеллировал к «чьей-то воле». Как же возникло это постоянно встречающееся у него предположение о пустоте человеческой души?

Ставя этот вопрос, я прошу читателя вспомнить сказанное мною выше о том, что Толстой пришел к вере путем известного *рассуждения*, поддержанного известным *чувством*. *Рассудочная* сторона этого процесса теперь уже достаточно ясна для нас. Легко понять, что, усвоив себе точку зрения телеологии, человек поступил бы непоследовательно, если бы продолжал смотреть на себя, как на

* «Исповедь», стр. 47.

самостоятельный источник нравственности. Но мы уже знаем, что рассуждение, приводящее к телеологии, не выдерживает серьезной критики. Что же мешало Толстому заметить слабую сторону этого рассуждения? Я отчасти уже ответил и на этот вопрос, сказав, что детские верования глубоко залегли в душе Толстого. Теперь мне хочется взглянуть на дело с другой стороны. Мне хочется определить, как создалось то *настроение* Толстого, благодаря которому он ухватился за детские верования как за единственный якорь спасения, закрыв глаза на их неосновательность. Тут я опять обращаюсь к его «Исповеди».

Рассказав, каким образом он остался в стороне от идейного движения шестидесятых годов и каким образом жизнь его сосредоточилась «в семье, в жене и в детях, и потому в заботах об улучшении средств к жизни»¹⁸, Толстой сообщает, что на него стали находить тяжелые минуты уныния и недоумения. «Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время,— говорит он,— мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну, хорошо, у тебя будет 6 000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?»... И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире,— ну, и что ж!»... И я ничего не мог ответить»*.

Что же мы видим? Забота о личном счастье не удовлетворяет Толстого, забота о народном благосостоянии совсем не увлекает его («а мне что за дело?»). Получается душевная пустота, в самом деле устранившая вся-

* «Исповедь», стр. 12—13¹⁹.— В другом месте он выражается еще решительнее: «Важно то, чтобы признать бога хозяином и знать, чего он от меня требует, а что он сам такое, и как он живет, я никогда не узнаю, потому что я ему не пара. Я работник — он хозяин» («Спелые колосья»). Сборник мыслей и афоризмов, извлеченных из частной переписки Л. Н. Толстого. Составил с разрешения автора Д. Р. Кудрявцев, стр. 114).

кую возможность жизни. Нужно во что бы то ни стало наполнить ее. Но чем? Или заботой о личном благосостоянии, или заботой о благосостоянии народа, или, наконец, и той и другой вместе. Но мы видели, что забота о личном благосостоянии не удовлетворяла Толстого, забота о благосостоянии народа не увлекала его; поэтому и из сочетания этих двух забот ничего не могло выйти, кроме нуля. А это значит, что ни в личной, ни в общественной жизни не было ничего такого, что могло бы заполнить мучившую нашего великого художника душевную пустоту. Поневоле ему пришлось повернуться от земли к небу, т. е. искать «в чьей-то «чужой» воле» необходимого ответа на вопрос: «зачем я живу?» В этом и заключается разгадка того, что Толстой не заметил несостоятельности своих детских верований. Точка зрения телеологии оказалась неизбежной в его положении. *Он не сам опустошил свою душу; ее опустошила окружавшая его обстановка.* А когда он почувствовал ее пустоту и захотел заполнить ее каким-нибудь содержанием, то по указанной причине он не мог найти другого содержания, кроме того, которое шло сверху, диктовалось «чьей-то волей». В этом все дело.

«Радостно» ли жить с человеком, который ни в личной, ни в общественной жизни не находит ничего, способного захватить и увлечь его? Не только не «радостно», а прямо «страшно». Да ведь и ему самому жить было именно страшно, а не радостно. Радостно было жить с теми современниками Толстого, которые говорили себе словами известной некрасовской песни:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего²⁰.

Но Толстой был настроен совершенно иначе. Мысль о народном счастье и о народной доле не имела над ним силы; ее отгонял равнодушный вопрос: «а мне что за дело?» Вот почему он был и остался в стороне от нашего освободительного движения. И вот почему люди, сочувствующие этому движению, не понимают или самих себя, или Толстого, когда называют его «учителем жизни». Беда

Толстого в том и заключалась, что он не мог учить жизни ни себя, ни других.

Толстой был и до конца жизни остался большим баринном. Прежде этот большой барин спокойно пользовался теми жизненными благами, которые доставляло ему его привилегированное положение. Потом,— и в этом сказало влияние на него людей, думавших о счастье народа и о доле его,— он пришел к тому убеждению, что эксплуатация народа, служащая источником этих благ, безнравственна. И он решил, что «чья-то воля», давшая ему жизнь, запрещает ему эксплуатировать народ. Но ему не пришло в голову, что недостаточно самому воздерживаться от эксплуатации народа, а нужно содействовать созданию таких общественных отношений, при которых исчезло бы деление общества на классы, а следовательно, и эксплуатация одного класса другим. Его учение о нравственности осталось чисто отрицательным: «Не сердись. Не блуди. Не клянись. Не воюй. Вот в чем для меня сущность учения Христа»*. И эта отрицательная нравственность была, в своей односторонности, несравненно ниже того положительного нравственного учения, которое выработалось среди людей, «прежде всего» ставящих «счастье народа» и «долю его». А если теперь даже эти люди готовы видеть в Толстом своего учителя и свою совесть, то для этого есть только одно объяснение: тяжелая жизненная обстановка покачнула в них веру в самих себя и в свое собственное учение. Разумеется, очень жаль, что так случилось. Но будем надеяться, что скоро опять будет иначе. В самом увлечении Толстым слышится очень явственный намек на это. Я думаю, что чем больше будет крепнуть это увлечение, тем ближе будет от нас та минута, когда люди, не довольствующиеся отрицательной нравственностью, увидят, что их учителем нравственности Толстой быть не может. Это представляется парадоксом, но это действительно так.

Мне скажут: однако смерть Толстого взволновала весь цивилизованный мир. Я отвечу: да, но посмотрите, например, на Западную Европу, и вы сами увидите, кто «просто

* «Спелые колосья», стр. 216.

любит» там Толстого и кто любит его «отсюда и досюда». «Просто любят» его (с большей или меньшей степенью искренности и интенсивности) идеологи высших классов, то есть те, которые сами готовы удовольствоваться отрицательной нравственностью и которые, не имея широких общественных интересов, стремятся наполнить свою душевную пустоту разными религиозными исканиями. А «отсюда и досюда» любят Толстого те сознательные представители трудящегося населения, которые не довольствуются отрицательной нравственностью и которые не имеют никакой нужды мучительно доискиваться смысла своей жизни, так как они давно уже «радостно» нашли его в движении к великой общественной цели.

А «откуда» и «докуда» именно любят Толстого люди этого второго разряда?

На это легко ответить. Люди этого второго разряда ценят в Толстом такого писателя, который, хотя и не понял борьбы за переустройство общественных отношений, оставшись к ней совершенно равнодушным, но глубоко почувствовал, однако, неудовлетворительность нынешнего общественного строя. А главное — они ценят в нем такого писателя, который воспользовался своим огромным художественным талантом для того, чтобы наглядно, — хотя, правда, только эпизодически, — изобразить эту неудовлетворительность.

Вот «откуда» и вот «докуда» любят Толстого действительно передовые люди нашего времени.

СМЕЩЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ²¹

(Учение Л. Н. Толстого)

I

Теперь очень много толкуют о Толстом. Но чем больше толкуют о нем, тем больше затемняют, хотя, разумеется, и невольно, истинный смысл его доктрины. Можно сказать, не опасаясь преувеличения, что о Толстом уже наговорено значительно больше вздора, чем о каком бы то ни

Основные мысли этой статьи в конспективной форме были высказаны Короленко первоначально еще в 1887 г. на страницах дневника в записи от 4 июля (см. Владимир Короленко. Дневник. 1887 г. Госиздат Украины, 1925, стр. 86—88). Внешним поводом, побудившим Короленко приступить к работе над статьей, явился юбилей Толстого — восьмидесятилетие со дня его рождения.

² Гермоген — епископ саратовский, крайний изувер.

³ Строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840).

⁴ Из стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» (1830); у Пушкина эти строки читаются: «Сколько их? Куда их гонят? Что так жалобно поют?»

⁵ Гора в Германии, куда, по народным поверьям, ведьмы и колдуны собирались на свой шабаш.

⁶ Роман «Разгром».

⁷ Историю с «орловским помпадуром» Короленко занес на страницы своего дневника. 27 марта 1895 года он записал: «Неклюдов, бывший нижегородский вице-губернатор, перейдя в Орел, произвел там возмутительную экзекуцию над крестьянами по делу, в котором они, по существу, были признаны правыми (судом). Л. Н. Толстой очень ярко изобразил эту экзекуцию в статье «Следуйте тому, что внутри вас» (Короленко имел в виду работу «Царство божие внутри вас». См. «Заключение». — С. Б.), и в конце прошлого царствования Неклюдов слетел по личному приказу царя, после доклада мин. юстиции о деле, рассматривавшемся в Сенате» (Владимир Короленко. Дневник. 1895—1898, т. III, Госиздат Украины, 1927, стр. 138—139).

⁸ Короленко имеет в виду статью Толстого «Не могу молчать!» (1908), которая была написана в связи с казнью двадцати крестьян в Херсоне (9 мая 1908 г.) и приобрела значение яркого памфлета против режима столыпинской реакции. Статья получила широкое распространение в русской и иностранной прессе.

⁹ Знакомство Короленко с Толстым состоялось в феврале 1886 года. Он пришел в Хамовники вместе с Н. Н. Златовратским просить Толстого принять участие в литературном сборнике, затеянном редакцией «Русской мысли». См. описание этого посещения в статье Короленко «Великий пилигрим» (В. Г. Короленко, Избранные произведения, Гослитиздат, М., 1947, стр. 518—523).

¹⁰ «Л. Н. Толстой» (статья вторая). — Статья впервые опубликована в газете «Русские ведомости» (1908, № 199, 28 августа), под статьей дата: 23 августа 1908 г. Печатаем по тексту Полн. собр. соч. В. Г. Короленко, в изд. Маркса, т. I, 1914, стр. 320—324.

¹¹ См. примечание 10 к статьям Михайловского. Короленко цитировал по Полн. собр. соч., изд. 7-е, т. VIII, стр. 17.

А. А. БЛОК

¹ Впервые опубликовано в журнале «Золотое руно» (1908, № 7—9).

Печатаем по тексту: Александр Блок, Сочинения в одном томе, М.—Л., 1946, стр. 422.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

¹ «Симптоматическая ошибка». — Статья впервые была опубликована в буржуазной газете «Товарищ» (1907, № 378, 22 сентября (5 октября), органе левых кадетов, в котором сотрудничали и меньшевики. Печатаем по тексту «Сочинений» Г. В. Плеханова, г. XV, 1926 г., стр. 349—353. Все последующие статьи Плеханова в данном сборнике также печатаем по тексту этого издания, заново сверенному с первопечатными публикациями.

² Статья Л. Н. Толстого «Не убий никого», датированная 5—18 августа 1907 г., появилась в кадетских газетах — «Русских ведомостях», «Товарище», «Речи» и в ряде других либеральных органов 8 сентября 1907 г., накануне 79-летия со дня рождения писателя.

³ Цитата из статьи Л. Н. Толстого «Не убий никого».

⁴ Крушеван П. А. (1860—1909) — черносотенный депутат II Гос. думы от Кишинева, издатель газеты «Бессарабец».

⁵ Повесть Толстого «Божеское и человеческое», начатая в 1903 г., была им закончена в 1906 г. и появилась во втором выпуске II тома «Круга чтения» (22 октября 1906 г.).

⁶ Заключительная строка из аллегорического стихотворения В. А. Жуковского «Овсяный кисель (из Гебеля)» (1816).

⁷ «Выбранные места из переписки с друзьями» — реакционная книга Гоголя, вышедшая в январе 1847 г. Она вызвала резкое осуждение Белинского (см. его «Письмо к Гоголю»).

⁸ Басня И. А. Крылова «Кот и повар» (1812) заканчивалась следующей моральной сентенцией:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить попустому,
Где нужно власть употребить.

⁹ «Толстой и природа» — Плеханов, Сочинения, т. XXIV, 1927, стр. 250—253. Статья написана в 1908 г. в связи с юбилеем писателя для специального сборника, намеченного к изданию комитетом по ознаменованию 80-летия со дня рождения Толстого. 28 сентября 1908 г. Плеханов писал П. Б. Аксельроду: «Пересылаю тебе письмо, в котором находится предложение написать для сборника в честь Толстого. Знаю это потому, что сам получил такое же письмо. Я, конечно, просьбу исполню. Как увидишь из моей подписи под письмом, я вошел даже в комитет, категорически заявив о том, что я не желаю ни одним действием давать кому бы то ни было понять, что я сочувствую публицистической деятельности Толстого. Это значило, что я немедленно выйду из комитета, если тот выскажет сочувствие Толстому не как художнику, а как публицисту. Но как художника мы обязаны почитать Толстого, и я благодарен комитету за то, что он к тебе обратился. Напиши хоть 20 строк...»

Однако сборник, для которого Плеханов написал статью, не был издан, и она впервые появилась в печати только в 1924 году (журнал «Звезда», № 4).

¹⁰ См. «Войну и мир», т. II, ч. IV, гл. X.

¹¹ Бирюков Павел Иванович (1860—1931) — автор четырехтомной биографии Л. Н. Толстого, один из последователей его учения. В первом томе биографии Бирюков широко использовал тогда еще не опубликованный «Отрывок дневника 1857 года», где Толстой описывал свое путешествие по Швейцарии (см. Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., под ред. В. Г. Черткова, т. 5).

¹² Китс Джон (1795—1821) — английский поэт-романтик.

¹³ Августин Аврелий Блаженный (354—430) — один из представителей средневековой схоластики, реакционный мыслитель, оправдывал частную собственность и рабство «как божественные установления».

¹⁴ Рассказ впервые был опубликован в журнале «Библиотека для чтения», 1859, № 1.

¹⁵ «Заметки публициста. «Отсюда и досюда», Плеханов, т. XXIV, стр. 185—194. Статья впервые опубликована в большевистской легальной газете «Звезда» (1910, № 1, 16/29 декабря). Статья сопровождалась подстрочным редакционным примечанием: «Редакция предполагает посвятить несколько статей вопросу об общественном значении деятельности Толстого, которая, несомненно, требует разностороннего освещения». Это примечание резко осудил В. И. Ленин. 3 января 1911 г. он писал А. М. Горькому: «В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16.XII) есть... хороший фельетон Плеханова с пошлым примечанием, за которое мы уже обругали редакцию. Эта дура Иорданский, вероятно, с Бончем сочинили!» (Соч., т. 34, стр. 383—384).

¹⁶ На страницах буржуазно-демократической газеты «Киевская мысль» была опубликована статья под названием «Враздробь», содержавшая отклик на смерть Л. Н. Толстого. Автор статьи Нотписциус писал: «Вся Россия поделилась теперь. Одни говорят: Люблю Толстого. И ничего больше не говорят. А другие заявляют: Люблю Толстого, но только отсюда досюда». Далее утверждалось, что только реакционеры любят Толстого «отсюда и досюда», а демократические читатели «просто любят Толстого», «всего Толстого» (№ 311, 1910, 10/23 ноября).

¹⁷ Под псевдонимом «Володин» выступал студент Духовной академии В. И. Бошко. В статье «К вышнему граду», которую имеет в виду Плеханов, он давал религиозно-мистическое истолкование учения Толстого.

¹⁸ Плеханов цитирует неточно. Следует читать: «Об увеличении средств жизни».

¹⁹ В первопечатном тексте и в «Сочинениях» ссылка на страницу была ошибочной (стр. 45).

²⁰ Строки из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». «Пир на весь мир» (из первой части, глава IV «Доброе время — добрые песни»).

²¹ «Смешение представлений. Учение Л. Н. Толстого» — Плеханов, т. XXIV, стр. 195—214. Статья впервые опубликована в большевистском легальном журнале «Мысль» (1910, № 1, декабрь; 1911, № 2, январь). Эта статья была прочитана Лениным, причем особое внимание он обратил на выводы Плеханова. На страницах 2-го номера журнала «Мысль» сохранились характерные ленинские отчеркивания целых абзацев одной, двумя и тремя вертикальными линиями, а также подчеркивания отдельных строк.

В четвертом разделе Ленин выделил те места статьи, где Плеханов раскрывает противоречия Толстого; в частности, подчеркнуты следующие строки: «Путь этот вел в мертвую страну квиетизма: А Толстой был слишком живым человеком для того, чтобы хорошо чувствовать себя в этой стране. Он рвался из нее назад...» (Ленинский сборник, XXV, стр. 204).

В пятом разделе Ленин отчеркнул и подчеркнул те строки, в которых характеризуется глубокая пропасть, отделяющая революционеров от Толстого в решении вопроса о «собственности». Подчеркнуты слова: «Не было и нет людей, более далеких от него, нежели современные социалисты...» (там же, стр. 205).

²² «В чем моя вера?» (22 января 1884 г.) — религиозно-этический трактат Толстого.

²³ Зулусы — одно из племен африканских негров (кафры).

²⁴ См. примечание 8 к статьям Короленко.

²⁵ Буланже Павел Александрович (1864—1925) — последователь учения Л. Н. Толстого.

²⁶ Имеется в виду заметка Льва Львовича Толстого (р. 1869), третьего сына Льва Николаевича, «Кто виновник?», опубликованная в «Новом времени» (№ 12458, 1910, 16 ноября). Автор заметки считает В. Г. Черткова виновником разлада в семье Л. Толстого. «Он вовлек его в тайные поступки, несвойственные природе отца, — поступки, вызвавшие тяжелые внутренние муки отца и борьбу, разлучившие его внутренне и внешне с семьей и закончившиеся кошмаром».

²⁷ Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — один из самых близких к Л. Н. Толстому последователей его учения.

Сообщение о беседе Черткова со слушательницами Бестужевских курсов появилось в ряде газет. Так, «С.-Петербургские ведомости» (1910, № 260, 18 ноября) в информации, озаглавленной «Чертков о драме Л. Н. Толстого», писали:

«В Петербург вернулись с похорон Толстого делегатки от слушательниц высших женских (Бестужевских) курсов. Они посетили Черткова, который долго беседовал с ними.

Курсистки спросили Черткова, почему Толстой после перелома, происшедшего в нем в начале 80-х годов, более четверти века жил в тех условиях, которые он сам осуждал и которые, по словам близких к нему людей, его самого тяготили.

В. Г. Чертков дал такой ответ:

«Л. Ник. не уходил от жизни, которая была ему тяжела, в жизнь, которую он считал лучшей, потому что видел в таком переходе эгоистический шаг: пребывание в условиях для него не только тяжелых, но и мучительных, он считал тем крестом, нести который в жизни ему суждено и он должен».

Мысль о том, что Толстого до последних дней его жизни удерживала от ухода из Ясной Поляны боязнь совершить «эгоистический шаг», Чертков более аргументированно развернул в книге «Уход Толстого», М., 1922.

²⁸ Толстой в 1891—1892 гг. был одним из главных организаторов общественной помощи голодающим. Он выступил в печати с рядом острых публицистических статей, особенно широкий общественный резонанс приобрели его «Письма о голоде» (1891).

²⁹ «Кольми паче» — устаревший оборот древнеславянского языка, обозначает: «тем более».

³⁰ Под таким названием в 1886 г. вышла в Женеве в издании М. Элпидина первая часть большой работы Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?» (в книге было двадцать глав). Последующие издания — 2-е (1889) и 3-е (1902) — являлись простыми перепечатками с первого. Плеханов пользовался третьим изданием.

³¹ Бриссо (Brissot de Warville) Жан-Пьер (1754—1798) — французский политический деятель, лидер крупной буржуазии (жирондистов). В работе «Философские изыскания о праве собственности и о краже» (1780) высказал мысль: «Собственность есть кража».

³² «Карл Маркс и Лев Толстой» — Плеханов, т. XXIV, стр. 215—233. Статья впервые опубликована в центральном органе РСДРП — «Социал-демократ», № 19—20, 13 января 1911 г. См. примечание 36 к статьям Ленина.

³³ Сазонов Егор Сергеевич (1879—1905) — эсер, убил министра внутренних дел фон Плеве Вячеслава Константиновича (1846—1904).

³⁴ См. примечание 35 к ленинским статьям.

³⁵ Статья написана уже после «ухода» Толстого, за девять дней до его смерти. Опубликована в газете «Речь» (1910, 13 ноября). В статье доказывалась мысль, что единственно «действительным» средством борьбы с социальным злом является обращение угнетателей, насильников на путь истины, что надо «внушить всем людям, в особенности распорядителям палачей и одобрителям их», гуманные понятия.

- ³⁶ Плеханов цитирует XXV главу «Юности» (1855—1857).
- ³⁷ См. статью Писарева «Промахи незрелой мысли» в настоящем сборнике.
- ³⁸ См. примечание 8 к статьям Ленина.
- ³⁹ См. статью Плеханова «Смещение представлений» в настоящем сборнике.
- ⁴⁰ «Святое семейство». Полное название: «Святое семейство, или критика «критической критики». Против Бруно Бауэра и К^о» (1844).
- ⁴¹ См. оценку этого тезиса Базарова в статье Ленина «Герои оговорочки».
- ⁴² Полное название: «Царство божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».
- ⁴³ Строки из басни И. А. Крылова «Кот и повар».
- ⁴⁴ Миллюков Павел Николаевич — лидер партии кадетов.
- ⁴⁵ Это выражение видного славянофила Ивана Васильевича Киреевского (1806—1856) применено Плехановым в работе «О так называемых религиозных исканиях в России» (1909) для характеристики сущности религиозных исканий Луначарского. Плеханов писал: «И. Киреевский употребил когда-то выражение: душегрейка новейшего уныния. Над этим выражением много смеялись. Но смешные явления заслуживают смешных названий. Когда я прочитал книгу «Религия и социализм», я сказал себе: г. Луначарский шьет душегрейку новейшего уныния. И я до сих пор думаю, что меня не обмануло это мое первое впечатление» (см. Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 255—256). И. В. Киреевский употребил выражение «душегрейка новейшего уныния» в статье «Обозрение русской словесности 1829 года» для определения особенностей поэзии Дельвига (см. «Денница», Альманах на 1830 год, изд. Максимовича, стр. IX), а также Полн. собр. соч. И. В. Киреевского в двух томах, т. II, М., 1911, стр. 31).
- ⁴⁶ См. работу В. И. Засулич «Жан-Жак Руссо», Лондон (1896), в сборнике ее статей, т. I, издание «Библиотеки для всех», и отдельное издание: В. Засулич, «Жан-Жак Руссо» (опыт характеристики его общественных идей), «Новая Москва», 1923 г.
- ⁴⁷ «Еще о Толстом» — Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 234—249. Статья впервые опубликована в большевистской легальной газете «Звезда» (1911, № 11, 26 февраля; № 12, 5 марта; № 13, 12 марта и № 14, 19 марта).
- ⁴⁸ Цитируется глава XIX из повести Л. Толстого «Отрочество»

(1853—1854). В этой главе описаны размышления главного героя повести Николая Иртеньева.

⁴⁹ Написана в сентябре 1902 г.

⁵⁰ См. примечание 30.

⁵¹ Цитаты из романа «Война и мир» (т. II, ч. III, гл. XIV).

⁵² Цитировано письмо В. Г. Белинского к А. И. Герцену от 6 апреля 1846 г. (см. Белинский, «Письма», ч. III, стр. 108).

⁵³ Псевдоним Акима Львовича Флексера, журналиста и критика, выступившего в девяностые годы с ревизией наследия революционных демократов. В своих статьях, составивших книгу «Русские критики», он защищал основы идеалистической эстетики.

⁵⁴ См. роман «Анна Каренина», ч. III, гл. III.

⁵⁵ См. повесть «Детство» (1852), гл. XII «Гриша».

⁵⁶ П. Ш. или Петр Шубин — псевдоним Петра Абрамовича Виленского, публициста, сотрудничавшего в буржуазно-демократической газете «Киевская мысль».

М. ГОРЬКИЙ

¹ «Лев Толстой». — Впервые основная часть «Заметок» была опубликована в отдельном издании и под названием: «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом». Изд. З. И. Гржебина, Петербург, 1919. В своем предисловии к первому изданию книги Горький писал: «Эта книжка составилась из отрывочных заметок, которые я писал, живя в Олесе, когда Лев Николаевич жил в Гаспре, сначала тяжело больной, потом — одолев болезнь. Я считал эти заметки, небрежно написанные на разных клочках бумаги, потерянными, но недавно нашел часть их». Во втором издании (изд. З. И. Гржебина, Берлин, 1922) текст «Воспоминаний» был дополнен: в «Заметке» III со слов «Но однажды...» и до конца, в «Заметке» VI со слов «Вы любите сказки Андерсена» и до конца, в «Заметке» XXI со слов «Говоря это, он улыбался торжественно» и до слов «весь мир болен...», в «Заметке» XXXI со слов «Кто-то принес книжку» и до конца и в заключении со слов «Иной раз мысли и чувства» и до слов «Однажды я шел с ним...» В журнале «Беседа» (1923, № 1, май — июнь, Берлин) были опубликованы «Заметки» XXXVII—XLIV, которые затем вошли в издание 1923 г.

Печатаем по тексту второго, дополненного издания. Собр. соч. М. Горького, М.—Л., 1933, т. 22, стр. 48—88.

² Толстой находился в Гаспре, на южном берегу Крыма,

СОДЕРЖАНИЕ

С. Бычков. Толстой в оценке русской критики 3

В. И. ЛЕНИН О ТОЛСТОМ

Лев Толстой, как зеркало русской революции 57
Л. Н. Толстой 62
Не начало ли поворота? 67
Л. Н. Толстой и современное рабочее движение 69
Толстой и пролетарская борьба 72
Герои «оговорочки» 74
Л. Н. Толстой и его эпоха 80

РУССКИЕ КРИТИКИ И ПИСАТЕЛИ О ТОЛСТОМ

Н. А. Некрасов

Заметки о журналах за сентябрь 1855 года 87
Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года 88

Н. Г. Чернышевский

Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого.
Военные рассказы графа Л. Н. Толстого 91
Рассказы графа Л. Н. Толстого 105
Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический, издаваемый
гр. Л. Н. Толстым. Ясная Поляна. Книжки для детей.
Книжка 1-ая и 2-ая 112

Д. И. Писарев

- Три смерти. Рассказ графа Л. Н. Толстого 132
 Промахи незрелой мысли 145
 Старое барство («Война и мир»). Сочинение графа Л. Н. Толстого 207

И. В. Анненков

- Исторические и эстетические вопросы в романе гр.
 Л. Н. Толстого «Война и мир» 244

М. И. Драгомиров

- «Война и мир» графа Толстого с военной точки зрения . . . 272

И. С. Тургенев

- Предисловие к переводу «Двух гусар» Л. Н. Толстого 296
 Письмо к редактору 297

Н. К. Михайловский

- Еще о гр. Л. Н. Толстом 299
 Опять о Толстом 320

В. Г. Короленко

- Лев Николаевич Толстой (*статья первая*) 328
 Л. Н. Толстой (*статья вторая*) 352

А. А. Блок

- Солнце над Россией 358

Г. В. Плеханов

- Симптоматическая ошибка 361
 Толстой и природа 367
 Заметки публициста 371
 Смещение представлений 381
 Карл Маркс и Лев Толстой 405
 Еще о Толстом 428

М. Горький

- Лев Толстой. Заметки 446
 Лев Толстой (отрывок) 494

А. В. Луначарский

- О творчестве Толстого 501
 <Толстой и Горький> 524
 <Ленин о Толстом> 537

**ТОЛСТОЙ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПИСЬМАХ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

- Из писем Н. А. Некрасова 551
 Из писем И. С. Тургенева 578
 Из писем А. П. Чехова 604
 Из писем М. Горького 619
Примечания 627